

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Годъ XXI.

№ 6

5 Февраля 1906 г.

Въ годъ 52 №№ журнала „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“, 12 книгъ и особьяя ПРИЛОЖЕНІЯ.

Подписная цѣна на годъ безъ
составки въ Петербургъ 5 р.,
съ дест. и перес. по всей Россіи 6 р.,
на пошлота 3 р., на мѣсяцъ 50 к.
За границу 10 р. Отдѣльн. №№ 10 к.
Объявленія для напечатанія въ
журналъ принимаются съ платою
по 40 коп. за мѣсто, занимаемое одною
строкою нонпарель въ 1, 2 ширины страницы

Подписка принимается въ главной конторѣ „Русскаго Паломника“ —
С.-Петербургъ, Стрѣмянная, № 12, собств. домъ. Городскіе обращаются
съ отопленіемъ конторы: Невскій просп., д. № 96, уголъ Надеждинской.

Каждый новый подписчикъ получаетъ ось уже вышедшія въ 1906 году
номера журнала со всеми приложеніями.

За перемѣну адреса городского на иногородній, или иногородняю на
городской, взимается 50 коп. — городского на городской или иногородняю
на иногородній — 20 к. Необходимо прилагать прежній печатный адресъ

„Русскій Паломникъ“ одобренъ всеми вѣдо-ствами.

По святымъ мѣстамъ. — Аркадѣевскій монастырь въ Вязьмѣ.

Преподобный Лука Элладскій.

(Память 7 февраля).

В наше время, когда добрыя, патріархальныя отношенія все болѣе и болѣе отходятъ въ область прошлаго, — жизнь преп. Луки должна считаться высокимъ для насъ примѣромъ въ этомъ отношеніи.

Преп. Лука родился въ Элладѣ, въ селеніи Касторіи. Родители его были бѣдные земледѣльцы, Стефанъ и Евфросинія. Скромный, молчаливый, строгій въ образѣ жизни, Лука еще ребенкомъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ окружающихъ. Видя, какъ онъ цѣпляется только хлѣбомъ, водою и огородной зеленью, всѣ удивлялись, даже предостерегали его и его родителей. Но родители не рѣшались препятствовать въ этомъ сыну, который былъ образцомъ послушанія во всемъ: по ихъ приказанію онъ и пасъ овецъ, и обрабатывалъ землю, занимался и домашними дѣлами, а главное — всегда былъ особенно почтителенъ въ отношеніи къ нимъ. Родители могли только радоваться, видя, какъ сынъ ихъ преуспѣваетъ въ христіанской жизни.

Строгій въ отношеніи къ себѣ, Лука еще съ дѣтства былъ безконечно добрѣе въ отношеніи другихъ. Нерѣдко взятую изъ дома пиццу онъ раздавалъ нищимъ, а самъ оставался голоднымъ. Однажды, выйдя на поле сѣять пшеницу, онъ увидѣлъ бѣдныхъ и отдалъ имъ большую часть сѣмянъ, а самъ посѣялъ только меньшую. Но сострадательность его была вознаграждена: урожай пшеницы превзошелъ сборъ прежнихъ лѣтъ.

Когда умеръ отецъ Луки, мальчикъ пожелалъ оставить мѣръ и принять монашество. Не сказавъ ничего своей горячо любимой матери, онъ отправился тайно въ Аѳины, тамъ явился къ настоятелю одной обители и со слезами на глазахъ просилъ принять его въ число братіи. Добрый настоятель, видя, какъ велико рвеніе молодого неизвѣстнаго ему мірянина, согласился постричь его, и Лука съ особеннымъ рвеніемъ, удивившимъ всю братію, началъ проводить иноческую жизнь. Между тѣмъ осиротѣвшая мать сильно скорбѣла о сынѣ своемъ. И вотъ въ одно время настоятелю обители предстала въ сонномъ видѣніи нѣкая жена и сказала: „За что ты меня, бѣдную вдову, такъ обижаетъ? Зачѣмъ отнял у меня утѣху моей старости? Возврати мнѣ моего сына“. Видѣніе это повторилось и на другую ночь.

Тогда настоятель началъ думать, къ кому изъ братіи можетъ относиться видѣніе, и, наконецъ, мысль его остановилась на Лукѣ. Когда Лука слышалъ отъ настоятеля о горѣ матери и приказаніе немедленно возвратиться къ ней, слезы катились по его щекамъ: ему было чрезвычайно тяжело уходить изъ обители. Но послушаніе, которое онъ считалъ выше поста и молитвы, а особенно мысль о матери, къ которой онъ относился по-прежнему съ великимъ сыновнимъ почтеніемъ и привязанностью заставили его исполнить повелѣніе настоятеля.

Трогательнѣе былъ моментъ встрѣчи сына съ матерью. Упавъ предъ нею на колѣни, рыдая, Лука молилъ простить ему его вину, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не удерживать его, дать ему возможность служить одному Богу, благословить его материнскимъ благословеніемъ на это. Мать съ своей стороны просила Луку пожить у ней, дать ей возможность хоть на концѣ дней своихъ видѣть его побольше возлѣ себя.

Инокъ прожилъ у своей матери четыре мѣсяца въ полной покорности и послушаніи къ ней и просилъ затѣмъ у ней благословенія на дальнѣйшіе иноческіе подвиги. Богобоязненная мать, зная, что любить Бога должно болѣе, нежели родителей, благословила сына и простилась съ нимъ.

Оставивъ родину, Лука поселился не въ той обители, изъ которой раньше вышелъ, а въ пустынной келіи на одной приморской горѣ, гдѣ былъ храмъ во имя свв. Космы и Даміана. Подвижникъ днемъ много трудился, а большую часть ночи посвящалъ молитвѣ. Около келіи онъ устроилъ небольшой садъ, самъ его воздѣлывалъ, а плоды раздавалъ своимъ посѣтителемъ.

Слава о высокой жизни подвижника распространилась по окрестностямъ. Тяготясь многочисленными посѣтителемъ, которые стекались къ нему, чтобы услышать отъ него слово и назиданія и наставленія, преподобный отплылъ въ Коринѳъ и, услышавъ тутъ объ одномъ столпникѣ въ Патрахѣ, пошелъ къ нему и десять лѣтъ служилъ ему, какъ сынъ отцу.

Послѣднимъ мѣстомъ подвиговъ преподобнаго была гора Стирій въ Элладѣ, куда собралась къ нему братія и устроила монастырь, а воевода Атики построилъ церковь во имя св. великомученицы Варвары. Предчувствуя близкую кончину, преподобный Лука затворился въ своей кельѣ и три мѣсяца приготовлялся къ смерти. Когда онъ совсѣмъ занемогъ, пришелъ къ нему въ келью пресвитеръ Григорій и спросилъ его: „Что скажешь, отче, о своемъ погребеніи? Гдѣ велишь похоронить твое тѣло?“ Смиреніе Луки было необычайно глубоко, и онъ отвѣтилъ: „Возьмите мой трупъ и бросьте въ лѣсъ; можетъ быть, я буду годенъ на сѣденіе звѣрямъ“. Но пресвитеръ и братія со слезами на глазахъ умоляли указать имъ мѣсто его погребенія. Тогда преподобный указалъ на келью, въ которой подвизался...

Черезъ нѣсколько дней, 7 февраля 946 года, его не стало. „Господи! въ Твои руки предаю духъ мой“ — таковы были послѣднія слова преподобнаго Луки. Послѣднее предсмертное завѣщаніе его было исполнено: погребенъ онъ былъ въ той самой кельѣ, которая была свидѣтельницею его высокихъ подвиговъ и тяжелыхъ трудовъ.

Н. Богдановъ.

Х р и с т і а н к а.

(Изъ жизни св. Фивіи Перпетуи.—Память 1 февраля).

(Окончаніе).

А утро Фивіи Перпетуя сражалась въ амфитеатрѣ, и печальныя стѣны темницы не слышали болѣе ея кроткаго голоса, которымъ она воспѣвала гимны Христу и съ нѣжностью утѣшала своихъ друзей, радуясь мученическому вѣнцу, выпавшему на ея долю. Неподражаемый и умилительный разсказъ ея не оконченъ; дальнѣйшую часть великой христіанской героини описалъ Тертуліанъ своимъ твердымъ и сильнымъ перомъ.

Мученикъ Секундъ умеръ въ темницѣ. Фелицитата, находившаяся на восьмомъ мѣсяцѣ беременности, не могла утѣшиться при мысли, что положеніе ея не позволяетъ ей сражаться въ сообществѣ дорогой госпожи и братьевъ. Мученики со своей стороны скорбѣли, что оставляютъ свою мужественную подругу. За три дня до зрѣлищъ Фелицитата родила дочь, которую немедленно поручили заботамъ сердечной христіанки-кормилицы. Слыша ея вопли, исторженные страданіемъ, одинъ изъ тюремщиковъ сказалъ ей:

— Если ты столь нетерпѣлива теперь, то что же будетъ, когда дикіе звѣри будутъ на части разрывать твое тѣло? Не лучше ли принести жертву богамъ?

— Будь покоенъ,—отвѣчала святая,—теперь страдаю одна, но тогда другой будетъ страдать за меня, потому что и я буду страдать за него.

Въ этомъ отвѣтѣ явно сказывается божественность христіанства и непостижимая сила благодати, осѣняющей истинно вѣрующихъ: простая, неученая раба находитъ въ своемъ сердцѣ столь блистательный и краснорѣчивый отвѣтъ.

Наконецъ, насталъ день, когда эти доблестные герои духа должны были принять мученичeskій вѣнецъ. Это былъ день послѣдней борьбы и великой побѣды. Фелицитата, восхищенная мыслью, что и она участвуетъ въ неувядаемой мученической славѣ своихъ друзей, не могла сдержать порывовъ святого восторга. Св. Перпетуя шла на казнь твердою поступью. Лицо ея сіяло спокойнымъ величіемъ. Въ амфитеатрѣ, гдѣ ревъ дикихъ звѣрей смѣшивался съ яростными кликами и угрозами толпы, она безстрашно распѣвала священные гимны, вспоминая свою побѣду надъ страшнымъ египтяниномъ. Сатурниль, Ревокатъ и Сатиръ, проходя мимо возвышенія проконсула, закричали:

— Ты осудилъ насъ въ этомъ мѣрѣ, но Господь осудитъ тебя въ другомъ!

Народъ, низость котораго равнялась его свирѣпости, изъ угожденія къ правителю, потребовалъ, чтобы ихъ наказали розгами.

Перпетуѣ и Фелицитатѣ пришлось сражаться съ бѣшеной коровой. Ихъ совершенно обнажили и хотѣли облачить въ сѣтчатыя платья, но самъ народъ воспротивился утопченной жестокости подобной казни. Тогда

имъ дали развѣвующіеся плащи. Перпетуя первую направляется навстрѣчу разъяренному звѣрю, который, схвативъ ее на рога, высоко подбрасываетъ. Мученица упала на спину. Замѣтивъ, что одежда ея изорвана, исповѣдница Христова спѣшитъ оправить на себѣ покровъ стыдливости и связать свои волосы чтобы не быть, какъ въ дни траура, съ растрепанной прической. Между тѣмъ Фелицитата, получившая тяжелые ушибы, лежала на пескѣ. Перпетуя бросилась къ ней, чтобы помочь ей подняться. Взявшись за руки, героически мужественныя христіанки ждуть вторичнаго нападенія, но народъ, тронутый ихъ красотой и молодостью, требуетъ, чтобы прекратили ужасную неравную борьбу... Увы! на языкѣ жестокихъ правовъ того времени отвратительное зрѣлище травли беззащитныхъ и невинныхъ людей дикими звѣрями называлось „сраженіемъ“ или „борьбою“!..

Мученицы направились къ выходу изъ амфитеатра, гдѣ ихъ встрѣтили Рустикъ и братъ Перпетуи, будущіе христіане. Святая Перпетуя, объятая религиознымъ восторгомъ, не сознавала даже, что съ нею произошло.

— Когда уже выпустятъ на насъ эту бѣшеную корову?—спросила она.

Чтобы убѣдить ее въ происшедшемъ, ей должны были показать ушибы и разорванное ея одѣяніе. Великая святая убѣждала ихъ быть твердыми въ вѣрѣ.

Блаженный Сатиръ пострадалъ первымъ отъ смертельнаго укушенія свирѣпаго леопарда, который, однако, оказался добрѣе людей: онъ пощадилъ мученика и не тронулъ болѣе его тѣла. Умирающій и весь истекая кровью, Сатиръ нашелъ въ себѣ еще силу снять кольцо со своей руки, и обагривъ его въ своей крови, вручилъ тюремщику Пуденсу со словами:

— Прощай, дорогой Пуденсъ, возьми кольцо въ залогъ моей дружбы, и пусть эта кровь всегда напоминаетъ тебѣ, что я пролилъ ее за Иисуса Христа!

Пуденсъ, пораженный подвигами мучениковъ, былъ обращенъ ими въ христіанство.

Всѣ другіе мученики, тяжело истерзанные звѣрями, были безпощадно добиты гладиаторами на аренѣ. Перпетуя, попавшая во власть неопытнаго гладиатора, дрожащая рука котораго причиняла ей напрасныя и тяжелыя страданія, сама направила его копье въ свое сердце...

Слава св. Перпетуи и Фелицитаты не находитъ себѣ сравненія. Обѣ во цвѣтѣ молодости, обѣ привязанныя къ жизни священными узами материнской любви, онѣ-все таки восторжествовали, чтобы умереть за истину. Духъ побѣдилъ тѣло! Особенно тяжелая борьба выпала на долю св. Перпетуи: роскошь утопченной жизни въ палатахъ отца, нѣжная любовь семьи, дорогой первенецъ сынъ—съ одной стороны, душная и тѣсная темница, позорная публичная казнь съ другой стороны,—вотъ между чѣмъ пришлось ей выби-

«ПРИДИТЕ КО МНѢ ВСѢ ТРУЖДАЮЩЕСЯ И ОБРЕМЕНЕННЫЕ, И Я УСПОКОЮ ВАСЬ».
(Съ картины худ. Лунда.—Мѣ. XI. 28).

Отвѣтъ старый! Знаютъ ученые люди, которые читаютъ умныя книжки, гдѣ все размѣчено и указано, все предусмотрено и рѣшено. Но, какъ и люди, умныя книжки одна на другую не похожи,—одна говоритъ одно, другая—другое, каждая по своему толкуетъ и понимаетъ правду.

Особенно смущаетъ всѣхъ то, что въ умныхъ книжкахъ не показано, что намъ надо теперь, сейчасъ же, чтобы справиться съ нашими новыми тревогами и опасеніями. Есть что-то такое въ этихъ умныхъ словахъ, что къ нашей жизни не подходитъ, что нашихъ главныхъ сомнѣній не разрѣшаетъ, что всей правды не даетъ.

Но эта путаница понятій, эта разногласица въ спорѣ и общемъ шумѣ—вполнѣ понятны. Слишкомъ круто пришлось шагать черезъ высокій порогъ. Слишкомъ неожиданно налетѣли новыя бѣды и думы. Какъ послѣ землетрясенія не скоро опредѣлишь, что упало и что держится, что прочно и что нипкуда не годится, такъ и въ годину смуты каждый видитъ только свою бѣду, кричитъ о своемъ горѣ и только въ своемъ спасеніи видитъ общее благо для всѣхъ.

Но жизнь свое возьметъ. У нея есть свои правила и законы. Изъ-за подробностей и мелочей будутъ выступать вѣчныя и непоколебимыя основы общей и дружной жизни. И это, конечно, общее дѣло всей земли и всего народа. Тутъ дорогъ каждый голосъ, но только тогда, когда онъ забудетъ о своей собственной маленькой пользѣ и выгодѣ и будетъ думать о томъ, чтобы лучше жилось всѣмъ.

Эта-то работа и зоветъ теперь къ себѣ русскій умъ и русскую совѣсть. Зачѣмъ бояться и тревожиться безъ причины? Пусть тяжелая жизнь, пусть впереди много трудовъ и хлопотъ, пусть будутъ нелегки особенно первые шаги,—здоровый смыслъ и свѣтлый умъ русскаго народа справятся съ великой исторической задачей и въ свое время всему укажутъ свое мѣсто.

Вражда и страсти никогда не замѣняютъ спокойнаго и здороваго разума. Живое живеть, ищетъ и находитъ все, что нужно для трудовой и спокойной дружной работы.

Теперь вся наша вѣра—ей. Больше вѣрять некому и нечему. Но въ такія времена надо быть особенно зоркимъ и осторожнымъ. Надо умѣть понимать голосъ того, кто стоитъ только на своемъ и только за свое, какъ бы ни была красна его рѣчь, какъ бы ни были нарядны его красивыя слова. Среди другихъ голосовъ надо подслушать и тотъ—можетъ быть, робкій и скромный—голосъ, который почуялъ правду живой совѣсти, честной и доброй жизни на міру.

Теперь много старыхъ словъ потеряло свой смыслъ,—такихъ словъ, которыя еще недавно считались словами мудрости и науки. Теперь они, какъ бѣльмо на глазу, только мѣшаютъ смотреть и видѣть. Надо свести счеты и съ этими еще недавно громкими и гордыми словами, и я надѣюсь, что мои читатели своими откликами на мои простыя рѣчи помогутъ мнѣ разобраться въ путаницѣ многихъ теперешнихъ словъ и понятій. **Олегъ.**

Аркадіевскій женскій монастырь въ г. Вязьмѣ.

ОСНОВАНІЕ Аркадіевского монастыря относится къ глубокой древности, къ тому времени, когда свѣтъ христіанскаго ученія только что сталъ озарять Смоленскій край.

Тогда еще и Вязьма, какъ городъ, не существовала, но былъ только проѣзднымъ пунктомъ между Кіевомъ и мѣстностями нынѣшней Тверской губерніи, что видно, между прочимъ, и изъ жизнеописанія преподобнаго Ефрема, Новоторжскаго чудотворца, жившаго въ XI вѣкѣ.

Жизнеописаніе этого святого и даетъ намъ свѣдѣнія изъ первоначальной исторіи основанія Аркадіевского монастыря. Преподобный Ефремъ, удалившись отъ мірской славы и почестей, поселился на рѣкѣ Тверцѣ (нынѣшній городъ Новоторжскъ) и здѣсь построилъ храмъ, а при храмѣ и страннопріимный домъ. Церковь тогда въ кругъ своей дѣятельности включала, какъ необходимую сторону ея, общественную благотворительность, призрѣвала бездомныхъ, питала голодныхъ, врачевала больныхъ, одѣвала нагихъ, поконла проходящихъ. Все это воплощало въ своей дѣятельности и преподобный Ефремъ.

Такие труды и подвиги пр. Ефрема раздѣляли любимый его ученикъ преподобный Аркадій, который и явился основателемъ новаго монастыря, получившаго его имя.

Первое время своей подвижнической жизни пр. Аркадій проводилъ на мѣстѣ нынѣшней обители одинъ, еще до прихода туда его учителя.

Въ этомъ уединеніи онъ многія ночи проводилъ въ молитвѣ на камнѣ и принималъ на себя образъ Христа ради юродиваго. Что касается подвиговъ, труда, поста и молитвы, то это можно встрѣтить вообще въ жизни всѣхъ отшельниковъ, удалившись отъ мірской суеты, но подвиги юродства—удѣлъ немногихъ.

Преп. Аркадій впервые свидѣлся со своимъ учителемъ во время путешествія ихъ обоихъ въ Кіевъ, которое они предприняли изъ своихъ мѣстъ въ одно время, какъ бы сговорившись.

Послѣ этого пр. Аркадій часто путешествовалъ изъ Смоленскаго края въ Торжокъ къ пр. Ефрему для душевнораспительныхъ бесѣдъ.

Усладительныя бесѣды пр. Ефрема и высокіе его подвиги такъ плѣнили пр. Аркадія, что онъ разстался съ своимъ роднымъ краемъ, со своей кущей, поселился въ Торжокѣ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, гдѣ и принялъ отъ пр. Ефрема постриженіе въ иноческій чинъ. Здѣсь онъ, слѣдуя примѣру своего учителя, съ ревностію проводилъ жизнь добродѣтельнаго житія до самаго дня блаженной своей кончины, послѣдовавшей въ 1053 году. Память преп. Аркадія празднуется совместно съ преп. Ефремомъ 28 января и 11 іюня, въ день обрѣтенія мощей преп. Аркадія въ 1677 году.

Несмотря на то, что преподобный со своимъ уходомъ совсѣмъ оставилъ мѣсто своихъ прежнихъ подвиговъ, оно не было предано забвенію. И по уходѣ преподобнаго оно продолжало считаться священнымъ. Впрочемъ, какія въ то время были здѣсь постройки—часовни, церкви,—точного указанія объ этомъ не сохранилось. Исторія монастыря свидѣтельствуешь только, что въ 1525 году нѣкоему благочестивому жителю г. Вязьмы въ сонномъ видѣніи явился преп. Аркадіи и повелѣлъ построить монастырь и собрать братію. Повелѣніе было исполнено, храмъ былъ посвященъ Всемилостивому Спасу, придѣлъ при храмѣ устроенъ былъ въ память преподобнаго Аркадія.

Въ началѣ XVII вѣка городъ Вязьма, какъ и многіе русскіе города, былъ разграбленъ поляками, Спасскій храмъ сожженъ, иконы поруганы, монахи разогнаны, а утварь вся была предана уничтоженію. Въ такомъ состояніи Аркадіевъ монастырь находился въ теченіе пятидесяти лѣтъ, т. е. до 1661 г., когда Смоленскъ былъ уже городомъ московскаго государства.

Въ этотъ годъ усердіемъ нѣкоего простолюдина, по имени Сергія, на собранія добродѣтели пожертвованія Спасо-Аркадіевскій

монастырь былъ возобновленъ, братія собрана, а строителя его Сергіи принялъ монашество, будучи парченъ Спиридоніемъ. Впрочемъ, скоро обстоятельства сложились такъ неблагопріятно, что монастырь былъ закрытъ.

Въ 1779 году старицы упраздненнаго Ильинскаго монастыря выпросили себѣ у епархіальнаго начальства позволеніе поселиться при церкви Спаса закрытаго Аркадіевскаго монастыря. Имъ было разрѣшено это, и съ 1780 года монастырь превратился въ женскую обитель, первоначально подъ именемъ общины, а затѣмъ, какъ общежительный.

Монахини содержались на свои трудовыя средства, или, какъ тогда говорили, на свой коштъ. На свои же трудовыя средства при монастырѣ устроена была ими и небольшая богадѣльня.

Въ гибельный для Россіи 1812 г. французскіе полчища, истреблявшія все на пути ихъ шествія въ Москву, не пощадили и святой церкви. Обитель монахинь была разграблена и сожжена, богадѣльня уничтожена, старицы разогнаны, и такимъ образомъ усиленные труды

инокинь въ теченіе многихъ годовъ вновь превратились въ пепелъ.

Но нашлись добрые люди, которые, надѣясь на милость Божию и при помощи добрыхъ людей, и послѣ французскаго погрома возстановили обитель на томъ же мѣстѣ, гдѣ восемьсотъ лѣтъ тому назадъ возносились молитва преп. Аркадія.

Одна изъ ревнительницъ святого дѣла, Наталья Кириллова Павлова, на собранія пожертвованія возобновила обитель снова, собрала сестеръ. Въ непремѣнное право для иноковъ были положены, какъ и въ древнихъ монастыряхъ, усиленный трудъ, постъ и молитва. За благодѣтелей обители почину возносились особыя молитвенныя поминовенія. Строительница монастыря Наталья Павлова приняла иночество, нареченная

при постриженіи Нимфодорой. Ей же былъ врученъ и игуменскій жезлъ.

По удаленіи Нимфодоры на покой игуменіей монастыря утверждена была Августа изъ рода князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ, которая пожертвовала въ монастырь все свое большое состояніе.

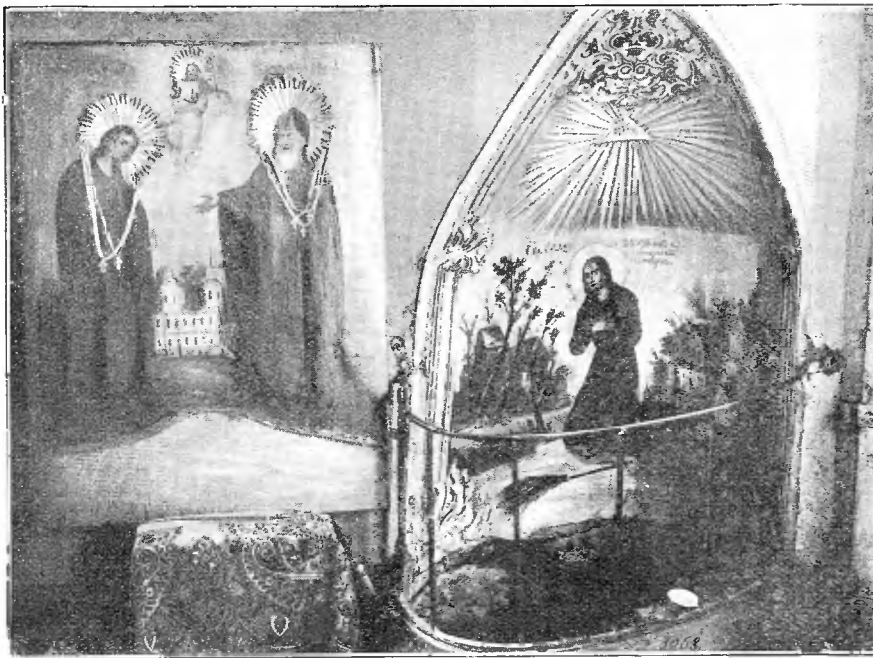
Въ короткое время монастырь украсился новыми постройками; были также перестроены зданія, пришедшія въ

ветхость. Такъ, между прочимъ, былъ выстроенъ соборный храмъ, перестроена колокольня, построены новый корпусъ для жилья монахинь и каменная ограда вокругъ всего монастыря.

Преемницей Августы была Аркадія изъ рода Шаховскихъ. Она такъ же, какъ и Августа, много потрудилась для украшенія монастыря, помимо того ею же открыта была въ монастырѣ для дѣвочекъ школа съ преподаваніемъ рукодѣлія.

За тридцатилѣтнее свое управленіе (съ 1857 по 1887 г.) Аркадія обезпечила монастырь многими приобрѣтеніями, такъ что теперь въ матеріальномъ отношеніи монастырь можно считать вполне обезпеченнымъ.

Праздники въ монастырѣ справляются торжественно, особенно храмовой—Всемилостиваго Спаса, а также—Покровъ Пресв. Богородицы, въ честь иконы Б. М. Владимірской, Ахтырской, Скоропослушницы, Всѣхъ Святыхъ, преподобныхъ Нила Столобенскаго и преподобнаго Аркадія старинная икона котораго хранится въ монастырѣ, какъ мѣстнотимая святыня. К. С.

Ниша и камень въ часовнѣ преп. Аркадія въ Вязьмѣ.

Слова, слова.

ТО было три года тому назадъ, еще передъ войной. Тогда веюду въ Россіи „искали правду“. Одни искали ее въ мужикѣ-крестьянинѣ, другіе въ интеллигентѣ, третьи въ „сверхчеловѣкѣ“, а были нѣкоторые, которые видѣли ее въ дѣланіи правды Божіей, въ твореніи воли Пославшаго насъ Отца, въ религіи. Съ такими — послѣдними — я больше всего встрѣчался. Въ Петербургѣ ихъ кружокъ состоялъ изъ поэтовъ, мыслителей, родовитыхъ баръ. Всѣ эти люди никогда не видѣли близко горя, чужды были имъ души страдающихъ, нуждающихся въ теплѣ, въ ласкѣ, въ добротѣ, а потому всѣ эти люди о добрѣ, о правдѣ, о Богѣ только спорили.

И чѣмъ дальше кто изъ нихъ былъ отъ жизни и горя, тѣмъ больше и спорилъ, тѣмъ больше убѣждалъ себя и другихъ, что ему близки, дороги добро, правда и что они одни наполняютъ его жизнь. Но, какъ и у всѣхъ далекихъ отъ жизни, слова эти, пышныя и громкія, не соответствовали дѣйствительности, и даже послѣ нихъ было какъ-то совѣстно передъ этой дѣйствительностью: люди до изнеможенія спорили о томъ, какъ измѣнить дѣйствительную жизнь, что такое Богъ, каковы Его свойства, — и ни одного настоящаго движенія, чтобы на самомъ дѣлѣ измѣнить эту дѣйствительность, ни одного реального поступка, чтобы исполнить волю Бога. Иногда даже бывало напротивъ: доказывали, что и не нужно измѣнять дѣйствительность до тѣхъ поръ, покуда не отыскана причина всего злого и не уничтожена съ корнемъ.

Вотъ на собраніе, гдѣ затронуть былъ этотъ вопросъ, я и попалъ. Собранія вообще были пышно обставлены, съ удобствами, съ комфортомъ. Когда я вошелъ, говорилъ одинъ ораторъ, славившійся краснорѣчіемъ и убѣдительностью своихъ доводовъ.

— Частную благотворительность, — говорилъ онъ. — подаяніе, милостыню считаютъ христіанской добродѣтелью... Я всегда удивлялся этому, пытался иногда возражать, но меня даже не слушали. И правда, за мной было только мое собственное впечатлѣніе, не больше. Тогда, чтобы убѣдить другихъ, я началъ глубже вмагиваться въ жизнь, возможно подробнѣе разсматривать результаты частной благотворительности. И выводъ, къ какому я пришелъ, таковъ: частная благотворительность — зло.

Въ залѣ зашумѣли. Послышались голоса, пытавшіеся возражать. Но это не смущало оратора. Покрывая шумъ толпы, патетически потрясая головой, онъ продолжалъ страстнымъ, убѣдительнымъ голосомъ:

— Да, зло. И я васъ попрошу выслушать, почему... Многое, почти все въ жизни имѣетъ глубокія причины. И чѣмъ глубже причина, тѣмъ больше въ жизни того, что изъ нея притекаетъ. Вотъ на это-то и обратите вниманіе. Очевидно люди, чтобы устранить что-нибудь,

все предпринимаютъ, но до глубины, до самаго источника рѣдко добираются. Мнѣ всегда приходитъ на умъ мысль о корнѣ и древесныхъ побѣгахъ. Каждый годъ срѣзаютъ побѣги, но на весну они снова появляются. А уничтожьте корень, и побѣги перестанутъ расти. А что бы вы сказали тому человѣку, который, желая ихъ уничтожить, всегда бы ихъ срѣзалъ, а корня не касался?.. Вы бы назвали его безумцемъ, излишне себя утруждающимъ. Не такъ ли и наша благотворительность?.. Мы всѣ видимъ предъ собою несчастныхъ и думаемъ, что если мы на одну минуту уменьшимъ страданія одного, на другую — другого, то этимъ принесемъ кому-нибудь пользу? — Никакой. Причина всѣхъ міровыхъ несчастій заключается въ несовершенствѣ нашихъ душъ, а отсюда — и устоевъ нашей жизни. А если это такъ, то и обязанность наша, если мы хотимъ уменьшить людское горе, заключается въ томъ, чтобы усовершенствовать себя, потомъ измѣнить нашу жизнь... Тогда некому будетъ и благотворить...

Я слушалъ оратора, соглашался съ нимъ и удивлялся: какъ могъ человѣкъ, съ такимъ, повидимому, яснымъ пониманіемъ вещей, притти къ тому, что онъ заявитъ вначалѣ. Рѣшилъ слушать дальше.

— Если же мы вмѣсто того, чтобы залѣчивать наши глубокія раны, начнемъ лишь сверху ихъ заглаживать...

„Зачѣмъ же это „вмѣсто того?“ Развѣ нельзя дѣлать и того, и другого?“ — мелькнула у меня мысль.

— Если мы станемъ оказывать частичную помощь, то мы будемъ поступать въ высшей степени неразумно. Прежде всего мы будемъ раздѣлять, размельчать наши силы, и даже болѣе того: совершенно уничтожать ихъ безъ всякой ощутительной пользы. Я знаю многихъ высокодобродѣтельныхъ небогатыхъ людей, которые всю жизнь свою губятъ — и для себя, и другихъ — и только потому, что считаютъ подаяніе христіанской добродѣтелью и боятся перестать такъ смотрѣть. И вотъ что же выходитъ? Они для развитія своихъ силъ нуждаются хоть въ маленькой обезпеченности, хоть въ небольшой свободѣ отъ наемнаго труда. Между тѣмъ они раздаютъ все свое достояніе нищимъ и сами потомъ влачатъ жалкое существованіе, и вмѣсто того, чтобы развить свои силы, явиться міру свѣточемъ или вообще принести пользу своими способностями, они принуждены, чтобы какъ-нибудь просуществовать, окончательно продавать себя наемному труду... Поразительно неразумно!..

Вы скажите, отъ этого избавлены богатые? Но и здѣсь результатъ, если и не такой, то подобный. Если есть средства, лучше ихъ употребить разумно. Чѣмъ разумнѣй, тѣмъ больше пользы. А разумно будутъ употреблены тогда средства, когда они будутъ снесены въ одно мѣсто, откуда ихъ и будутъ распредѣлять разумно, по мѣрѣ надобности. Я сторонникъ только общественной помощи. „Съ міру по ниткѣ — голому рубашка“, но изъ одной нитки никогда никто не со-

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВ. ЛУКИ ЭВАНГЕЛИСТА КЪ СВОЕЙ МАТЕРИ.
(Рисунокъ Викторова.—Къ стр 82).

здавать рубашки. Это ясно, какъ Божій день. Такова, между тѣмъ, частная благотворительность...

Но что всего хуже въ ней, это то, что мы унижаемъ человѣческое достоинство въ тѣхъ, кому мы даемъ, расплачиваемъ цѣлыя арміи паразитовъ—дармоѣдовъ, дѣлаемъ изъ нихъ никуда негодныхъ людей. Здѣсь ужъ перестану говорить я, будетъ говорить сама жизнь... Выйдите на улицы, посмотрите на этихъ полуныныхъ, съ отеками лицами, съ плутоватыми глазами, людей,—кто ихъ сдѣлалъ такими съ того момента, когда они, бывшіе тогда еще честными, смѣлыми, полными достоинства, людьми, почувствовали пужду? Мы, не въ мѣру жалостливые, съ слабыми душами люди... Нѣтъ,—патетически заканчивалъ ораторъ,—христіанство не въ безхарактерности состоитъ. Заглушимъ въ себѣ на нѣсколько минутъ жалостливость, чтобы потомъ дать ей вылиться въ разумную форму,—и на землѣ не будетъ опустившихся нищихъ, безцѣльной затраты добра, а будетъ разумная, чистая, свѣтлая жизнь...

Ораторъ кончилъ. Къ нему подходили, пожимали ему руки, другіе отходили, словно незамѣтно, въ сторону. И я замѣтилъ: подходили люди здоровые, богатые, не знавшіе никогда нужды, горя; отходили—люди въ потертыхъ, скромныхъ сюртукахъ, по всемъ признакамъ не разъ бывавшіе въ жизни просителями.

Я поторопился къ выходу: въ душѣ отъ этой рѣчи ощущался какой-то смутный осадокъ, было какъ-то тяжело. Но уже у самаго выхода я замѣтилъ, какъ къ оратору рѣшительно подошелъ одинъ изъ „потертыхъ сюртуковъ“ и, блѣдный, страстно заговорилъ:

— Ваши слова несправедливы... Вы, очевидно, не знаете ни горя, ни того, почему вообще у насъ горемыки таковы, какими вы ихъ отмѣтили... Горя нѣтъ ни частнаго, ни общаго. Горе одно, и если я страдаю, значитъ я, именно я, нуждаюсь въ помощи и нуждаюсь именно въ тотъ моментъ, какъ страдаю. А ваша помощь, которая пойдетъ черезъ разныя канцеляріи и комитеты, застанетъ меня, можетъ быть, въ тотъ моментъ, когда я буду лежать гдѣ-нибудь въ мертвецкой или превращусь въ того забуддыгу-попрошайку, котораго вы такъ ненавидите... И любовь христіанская, о которой вы рѣшаетесь говорить, не можетъ быть такой размѣренной, рассчитанной, холодной... Любовь эта, не спрашиваясь васъ, захватываетъ вашу душу въ этотъ моментъ, когда видите страданіе, каково бы оно ни было... Любовь эта сжигаетъ на своемъ огнѣ людей. И тѣ неудачники, о которыхъ вы говорили, именно ею сожжены. Люди въ большомъ числѣ наполняли и наполняютъ собою тюрьмы, идутъ на эшафоты, и лишь потому, что не рассчитывали, не размѣряли по фундаментъ свою любовь къ людямъ, а прямо, сразу откликнулись на ихъ страданія... Вы, можетъ быть, осудите и Христа за то, что Онъ взошелъ на крестъ, а не ускользнулъ изъ рукъ палачей и не продолжалъ Своей жизни для „общей пользы“?!

— Другъ мой!—мягко и снисходительно, словно сожалѣя, отвѣтилъ ораторъ, покровительственно хлопывая по плечу своего волновавшагося собесѣдника,—слышалъ я все это тысячи разъ... Я, знаете, приведу вамъ примѣръ изъ своего далекаго дѣтства. Мальчикомъ я еще любилъ кататься на лодкѣ, и особенно на быстринѣ, гдѣ билъ ключъ. Тамъ круги разбѣгались, вздымая поверхность. И вотъ я подѣзжалъ и сглаживалъ водяные бугры, а они все появлялись, все появлялись...

И, приведши, по его мнѣнію, удачное сравненіе, ораторъ смолкъ и побѣдоносно глядѣлъ на собесѣдника.

Я не могъ дальше выдерживать и убѣжалъ. На дворѣ стояла морозная ночь. Стужа была нестерпимая. На улицахъ мало было прохожихъ, все спѣшили поспрятаться по теплымъ уголкамъ. Морозъ былъ настолько силенъ, что луна была словно задернута туманомъ...

На одномъ изъ мостовъ, гдѣ особенно свирѣпствовала стужа отъ завывавшаго здѣсь вѣтра, я вдругъ остановился: приклонясь къ желѣзнымъ периламъ, навзрыдъ плакалъ мальчикъ-нищенка. Ноги его были одѣты одна—въ дырявую галошу, другая—въ старый башмакъ не по мѣркѣ. Рваный пиджачишка не имѣлъ подъ собой ничего. Сверху на ребенкѣ тоже ничего не было надѣто, только шея повязана большимъ материнскимъ платкомъ. Зубы у мальчика стучали немилосердно, все существо тряслось, онъ плакалъ отъ холода и голода... Мимо пробѣгали, весело перекидываясь словами, люди въ теплыхъ роскошныхъ шубахъ. Они слѣдили въ теплыя уютныя квартиры...

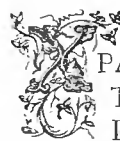
— Что заставило тебя выйти сегодня,—спрашивалъ я мальчика, когда мы были уже въ тепломъ помѣщеніи. Мальчикъ пересталъ жадно жевать и, заливаясь вновь слезами, проговорилъ:

— Дома мамка и три сестры, а тятка боленъ... И хлѣба нѣтъ... А тятку выгнали изъ больницы. Тамъ даромъ было... Говорятъ: теперь тебѣ на поправку, на спокойствіе домашнее... Меня и послали просить...

Мнѣ вспоминался роскошный залъ, краснорѣчивый ораторъ, его снисходительный взоръ на своего собесѣдника...
Инокъ **Наванаиль**.

М о л и т в а.

РАНИТЕЛЬ ангель мой отъ первыхъ дней рожденя!
Ты укрѣпи во мнѣ святія побужденя
И, осѣнивъ крыломъ отъ зла, страстей земныхъ,
Разсѣй тревогу думъ печальныхъ и больныхъ...

* * *

Я жалкій человѣкъ, я рабъ грѣха и тлѣна...
Но ты избавь меня отъ тягостнаго плѣна
И, душу освѣтивъ божественнымъ огнемъ,
Веди къ безсмертію спасительнымъ путемъ!

Н. Н. Карповъ.

Случайная встрѣча *).

В январскій морозный день, въ одинъ изъ своихъ проѣздовъ по здѣшной трактовой дорогѣ, я, порядочно продрогши отъ холода, поздно вечеромъ заѣхалъ погрѣться въ недалеко стоящей отъ дороги домъ церковной сторожки села Ботомойскаго, при церкви котораго, за отсутствіемъ священника, я состоялъ наблюдателемъ. Хозяинъ дома, еще не пожилой, кривоглазый, съ синими очками якутъ, трапезникъ мѣстной церкви, прежде всегда на видъ спокойный, встрѣтилъ меня какъ-то особенно изволнованно и растерянно.

Принявъ отъ меня благословеніе, онъ безмолвно остановился около задняго угла дома. Руки его сильно дрожали, голова была опущена внизъ и самые очки его лежали не на мѣстѣ. Жена его, молодая женщина, и еще кое-кто не показывались мнѣ совершенно. Они сидѣли молча за перегородкой. Удивительно и странно все это мнѣ показалось, и я невольно спросилъ:

— Что случилось?

Плонувъ на полъ и стараясь принять на себя болѣе спокойный видъ, трапезникъ немного придвинулся ко мнѣ и какъ-то нерѣшительно, но многозначительно отвѣтилъ:

— Кырнагасъ, бачка, есть! *)

Понявъ, въ чемъ дѣло, я началъ спрашивать подробности этого событія.

— Не такъ задолго до твоего сюда пріѣзда,—началъ говорить трапезникъ дрожащимъ голосомъ,—одинъ изъ нашихъ сосѣдей наткнулся на одного больного оспой... Какъ страшно! Больной лежитъ совершенно недалеко отсюда, у самой дороги. Вокругъ него вертится одинъ молодой перень, навѣрно родственникъ больного. Онъ все кричитъ громко и молить о помощи... Никто къ имъ не рѣшается идти. Да и какъ къ нимъ приблизиться? Вѣдь не одно ли это то же, что лѣзть къ огню или падать въ воду? — заключилъ трапезникъ.

Когда я выразилъ намѣреніе помочь больному оспой, трапезникъ сталъ умолять меня, чтобы я не соприкасался съ больнымъ и другихъ не вводилъ въ соприкосновеніе съ нимъ.

— Ой, страшна эта кырднагасъ! Кого увидить, обязательно забираетъ. До насъ дошла, бѣда теперь наша отъ нея!—бормоталъ онъ.

Странно и тяжело было у меня на душѣ отъ всего случившагося, а стало жалъ и бѣднаго якута трапезника. Я зналъ боязнь якутовъ и предубѣжденіе ихъ

*) Изъ жизни якутовъ Якутской области, Вилюйскаго округа, во время оспенной эпидеміи въ 1904 году.

**) Болѣзнь оспу якуты представляютъ злымъ духомъ и олицетворяютъ ее въ видѣ женщины. Изъ страха предъ ней, якуты не называютъ ее собственнымъ именемъ «оспа», а нарицательнымъ—«кырднагасъ», что значитъ—старая или госпожа.

противъ оспы. Зналъ, что трудно кому-либо изъ нихъ рѣшиться оказать помощь больнымъ оспой.

Много этихъ больныхъ безпомощно гибнетъ по здѣшнимъ дорогамъ. Ихъ никто не принимаетъ, и они обречены на голодъ и холодъ.

Однако, по моему усиленному настоянію нашелся одинъ якутъ, прежде болѣвший оспой, черезъ котораго и рѣшено было оказать помощь больному. Рѣшено было сперва напутствовать больного, а затѣмъ свезти его въ ближайшую юрту хозяевъ, уже болѣвшихъ оспой.

Солнце начинало садиться за горизонтъ, когда я и якутъ выѣхали изъ церковной сторожки. Въ воздухѣ было туманно и очень холодно. На душѣ у обоихъ насъ было замѣтна тревога. Мы ѣхали недолго по известной намъ дорогѣ. Скоро на одномъ поворотѣ дороги взорамъ нашимъ вдругъ предсталъ стоявшій въ лѣсу якутскій парень, лѣтъ двадцати, въ плохой одеждѣ и оборванной обуви. При видѣ насъ онъ замахалъ руками и, идя къ намъ навстрѣчу, кричалъ:

— Пойдите, смиловитесь, добрые люди, выслушайте мою мольбу!

На предупрежденіе моего якута о томъ, чтобы парень не приближался къ намъ, послѣдній остановился и громко сталъ издали рассказывать намъ про свою участь.

— Мы идемъ изъ принсковъ, — говорилъ онъ, — насъ двое: я и братъ. Послѣдній боленъ кырднагасомъ и теперь въ безпомощности лежитъ на дорогѣ... Давно мы не видимъ человѣческаго крова, давно находимся въ совершенной безпомощности среди этой дороги, испытывая всѣ мученія болѣзни, холода и голода.

— Будь покоенъ, мы пріѣхали оказать вамъ помощь,—въ отвѣтъ парню промолвилъ мой якутъ.

Радостямъ парня, кажется, не было конца. Онъ то безсвязно бормоталъ намъ слова благодарности, то кланялся безмолвно, то плакалъ, то смѣялся...

До больного оставалось еще съ версту. Мы поѣхали скорѣе. Якутъ мой ѣхалъ впереди меня, а парень бѣжалъ за мной.

— Кто вы и откуда?—отнесся я къ бѣгущему за мной парню.

— Мы якуты изъ Верхне-Вилюйскаго улуса, ушедшіе еще осенью на прински для заработковъ и возвратившіеся оттуда вслѣдствіе спльнаго распространенія тамъ болѣзни кырднагасъ. А ты кто и откуда ѣдешь?—спросилъ онъ въ свою очередь меня, измѣняя свой тонъ на обыкновенный, разговорный.

— Я здѣшній, недалеко живущій священникъ. Ъду домой, побывавъ по нѣкоторымъ дѣламъ въ приходѣ,—отвѣтилъ я на его любопытство.

Узнавъ о томъ, что съ нимъ бесѣдуетъ священникъ, парень, повидимому, весьма ободрился и дальше началъ:

— Вотъ, бачка, какъ я радъ видѣть тебя, въ осо-

бенности послѣ всего того, что случилось и было съ нами!

— Эхъ, бачка,—продолжалъ парень,—безотрадно было наше пребываніе нынѣ на принскахъ, безотрадно были наши труды тамъ, безотрадно и наше вотъ это путешествіе... Кырнагасъ испортила все наше дѣло. Видя, какъ гибнуть на принскахъ якуты и русскіе, мы рѣшились, собравъ свои пожитки, вернуться на родину и тѣмъ избѣжать этой несчастной болѣзни, но, видно, такъ Господомъ суждено намъ самимъ пострадать отъ болѣзни... Изъ принсковъ насъ бѣжало много, но большинство осталось далеко отсюда по дорогамъ, застигнутые оспой-болѣзью. Когда появились признаки болѣзни у моего брата, мы очутились одни, будучи оставлены нашими спутниками. Въ началѣ мы, скрывая болѣзнь, имѣли возможность ночевать въ жилищахъ людей, а затѣмъ, когда болѣзнь стала обнаруживаться, насъ никто не сталъ подпускать къ жилищному помѣщенію, отгоняя насъ палками и чѣмъ приходилось... Братъ мой, будучи не въ силахъ идти за мной пѣшкомъ, заставлялъ меня везти его на салазкахъ (санкахъ). Тяжело мнѣ было, жутко и страшно съ нимъ, но я не оставлялъ его на произволъ судьбы. Последнія силы употреблялъ я для того, чтобы оказать ему помощь, но, вотъ, онъ изнемогъ теперь до того, что не въ состояніи садиться на салазки, и я не могу теперь далѣе ничего для него сдѣлать. Въ такомъ состояніи вы застали насъ теперь, и я думаю, что самъ Богъ послалъ васъ къ намъ, чтобы спасти насъ отъ смерти.

Въ то время, когда это говорилъ парень, мнѣ казалось, что, несмотря на его радость по случаю встрѣчи съ нами, его угнетала печаль, печаль за свою жизнь.

Выслушавъ внимательно слова моего собесѣдника, я старался его ободрить. Скоро мы подъѣхали къ краю одной полянки и увидѣли слабый, почти потухавшій огонекъ. Когда мы подъѣхали къ этому огоньку, взорамъ нашимъ представилась потрясающая душу картина. Около огня лежало нѣчто безъ признаковъ жизни, похожее на мумію человѣка. Оно было закрыто оборваннымъ и грязнымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго высовывались тонкія ноги, обутыя въ кожаные тарбоса (сапоги) съ оборванными подошвами, за которыми виднѣлась старая и гнилая солома. Въ защиту отъ вѣтра и холода больному съ одной стороны положены были салазки, котомка и холстяной кулъ, наполненные чѣмъ-то, а также древесныя вѣтви, а съ другой стороны защитой отъ холода служилъ слабый, потухавшій огонекъ. При приближеніи нашемъ больной даже не шевельнулся. Парень, бѣжавшій за нами, теперь пошелъ впередъ и, приблизившись къ больному, осторожно пріоткрывъ одѣяло его, извѣстилъ о нашемъ приѣздѣ. Какъ электрическимъ токомъ прошло по тѣлу больного это извѣстіе, и онъ моментально было приподнялся на локоть, но тутъ же упалъ на свою постель въ совершенномъ безсиліи.

Парень сталъ раздувать огонь, а мы издали наблюдали за несчастными. Мой якутъ стоялъ около меня, прислонившись къ дереву съ угрюмымъ выраженіемъ лица.

Больной, почувствовавъ около себя теплоту отъ разгоравшагося костра, слабо пріоткрылъ на короткое время свое одѣяло почти до живота и въ это время намъ представилось нѣчто еще болѣе печальное и потрясающее душу... На словъ больного была растрепанная шапка, изъ-подъ которой клочками высовывались черные и грязные волосы, падая на смуглое и покрытое язвами оспы его лицо. Язвы эти издали казались темно-красными пятнами, полными слизи и гноя, испещряющими все тѣло больного. Грудь его была почти совершенно гола вслѣдствіе недохвата застежекъ пальто и старой оборванной внутри рубахи. На груди также виднѣлись эти язвы, между которыми, однако, можно было замѣтить на грязной кожаной веревкѣ мѣдный крестъ.

Подозвавъ парня, суетившагося около больного, я выразилъ ему свое намѣреніе напутствовать больного Св. Тайнами. Обрадованный этимъ, парень еще болѣе оживился и поспѣшно пошелъ объявить объ этомъ больному. Последній чуть шевельнулся на своемъ ложѣ и, въ знакъ желанія своего напутствоваться, сдѣлалъ весьма слабое крестное знаменіе. Отдаливъ своего якута, а также парня на значительное разстояніе, я сталъ приступать къ исповѣди. На мои вопросы больной отвѣчалъ искреннимъ, но слабымъ и чуть слышимымъ голосомъ. Скоро затѣмъ я приступилъ къ совершенію таинства Причащенія. По прочтеніи молитвословій, положенныхъ въ требникѣ, я не безъ содроганія, но и не теряя силы своей воли, осторожно приблизился къ больному и причастилъ его. Больной сталъ радостно креститься и молиться Богу, произнося молитвы на своемъ нарѣчій. Парень издали горячо молился, дѣлая крестныя знаменія и поклоны.

Вскорѣ затѣмъ было приступлено и къ самой перевозкѣ больного, которой занялся парень. Въ поставленные около больного дровни были положены сперва древесныя вѣтви, а затѣмъ постель больного съ кое-какой рухлядью. Послѣ этого больной съ усиленной помощью своего брата едва приподнялся съ мѣста и безсилно легъ въ дровни только передней своей частью, ноги же взвалилъ братъ его. Его покрыли одѣяломъ и кое-какой ветхой одеженкой.

— Спасибо, бачка! — искренно произнесъ парень, понукая свою лошадь и послѣдній разъ бросая на меня взоры, полные признательности и благодарности.

— Прощайте, Богъ да будетъ съ вами!—вздохнувъ и благословляя ихъ, произнесъ я.

Скоро несчастные путники скрылись изъ моихъ глазъ между деревьями. Солнце уже давно сѣло за горизонтъ. Кругомъ спускался мракъ ночи.

Долго я стоялъ на одномъ мѣстѣ, словно вкопанный, предаваясь разнообразнымъ размышленіямъ объ этихъ несчастныхъ людяхъ... Свящ. Гр. Поповъ.

БЛАГОТВОРИТЕЛНИЦА.
(Съ картинъ худ. Трутовскаго).

ВѢСТИ И ЗАМѢТКИ.

◆ Равнодушное отношеніе нѣкоторыхъ духовныхъ руководителей народа къ сельской паствѣ приноситъ теперь, когда объявлена свобода вѣротерпимости, горькіе плоды: въ губерніяхъ съ инородческімъ населеніемъ жители отпадаютъ отъ христіанства и переходятъ не только къ своей старой вѣрѣ, — какъ, напримѣръ, татары-новокрещенцы, — но и въ язычество, какъ это наблюдается съ черемисами въ Вятской губ. Черемисы, населяющіе Уржумскій уѣздъ, христіане, но всѣ немного придерживаются и языческихъ обрядовъ. Сельское духовенство мало заботилось о просвѣщеніи этихъ темныхъ инородцевъ. При бывшемъ вятскомъ губернаторѣ Клиппенбергѣ на черемисъ за ихъ приверженность къ старой вѣрѣ было поднято гоненіе, имъ запрещалось совершать свои общественныя моленія въ рошахъ; виновные привлекались полиціей къ суду. Но это, кромѣ ропота, ни къ чему не привело; черемисы продолжали ходить въ церковь и въ то же время молились въ рошахъ. Указъ 17 апрѣля о свободѣ вѣроисповѣданій въ черемисахъ нѣкоторыхъ селеній Туркской и Прму-чашской волостей пробудилъ мысль ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи перейти въ прежнюю языческую вѣру. Въ высшей степени характерно, что первое прошеніе объ этомъ было подано бывшимъ учителемъ церковной школы грамоты Вяч. Деляновымъ, принявшимъ православіе нѣсколько лѣтъ назадъ. Затѣмъ подобныя прошенія подали и другіе черемисы. Ходатайства просителей пока не увѣнчались успѣхомъ, включая учителя Делянова. Бывшему учителю разрѣшено поклоняться чурбашкамъ («Нов. Вр.»).

◆ Государственный Совѣтъ по представленію главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ утвердилъ на нынѣшній годъ смѣту переселенческаго управления въ 5.000.000 рублей. Сумма эта превышаетъ противъ прошлаго года на 2 милл. рублей.

◆ Какъ сообщаютъ газеты, въ высшихъ сферахъ всѣ важныя законопроекты рѣшено отложить до созыва Государственной Думы.

◆ По даннымъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ расходы, вызванныя войной съ Японіей, выразились въ цифрѣ 1.677 миллионъ рублей.

◆ Московскій городской голова обратился къ викарію московской епархіи Трифону съ предложеніемъ сдѣлать воззваніе къ священникамъ своей епархіи, чтобы они не теряли своихъ избирательныхъ правъ.

◆ Въ телеграммахъ сообщалось, что въ г. Лодзи революционеры въ видахъ борьбы съ законсмѣрнымъ теченіемъ госуд. жизни уничтожили избирательные списки въ Госуд. Думу. «Варш. Дневн.» сообщаетъ объ этомъ такія подробности. Въ первое избирательное бюро въ 4 часа дня 12 января явилось около 20 вооруженныхъ революцерами социалстовъ-революционеровъ и, пригрозивъ находившимся въ бюро двумъ членамъ комиссіи и двумъ сторожамъ, разломали шкафы и разорвали избирательные списки и другія бумаги. Уходя, они сказали: «вотъ вамъ Дума!» Во 2-мъ избирательномъ бюро то же самое произошло въ 3½ часа дня. Тамъ они застали члена комиссіи г. Гунделяха и, заявивъ ему: «мы социалъ-демократы», начали хозяйничать въ бюро, уничтожая всѣ бумаги. Въ 4-е бюро шайка ворвалась въ то время, когда тамъ находилось четверо писцовъ, и произвела полное опустошеніе, разорвавъ все въ клочки. Остались нетронутыми 3-е и 5-е бюро. Вскорѣ послѣ этихъ нападеній въ 1-е бюро были присланы календарь съ слѣдующей запиской: «Отсылаемъ календарь, взятый по ошибкѣ однимъ изъ членовъ нашей боевой дружины социалъ-сionистовъ». Записка адресована «въ Государственную Думу», подписана: «социалъ-сionисты». Кромѣ того, пронаведено было нападеніе и въ синагогѣ, гдѣ также уничтожены пригтовленные списки.

◆ Священникъ Г. С. Петровъ пишетъ въ «Рускомъ Словѣ» по поводу будущаго церковнаго собора.

На глазахъ всего міра по всей Россіи совершается драма, больше—трагедія, ужасы которой не снились и Шекспиру, а въ это время преемники апостольскаго служенія совмѣстно на сѣздахъ толкуютъ о возможности, напр. и необходимости посѣщать театры. Да вѣдь пустыякъ все это, отцы духовные! Вадоръ! Пыль на платъ. О ней ли вести рѣчь, когда вся хламида ваша духовная въ переносномъ смыслѣ, все ваше служеніе утратило апостольскую цѣнность, обратилось въ чиновническую службу, когда не вы двигаете, направляете жизнь, а жизнь то подталкиваетъ, то отталкиваетъ васъ?

Конечно, можно къ слову и о ярѣхъ вспомнить, и о горделивой надменности монашествующихъ властей мелкимъ властоюльцамъ на видъ поставить, и о многомъ другомъ внешнемъ, обрядовомъ,

бытовомъ, церковно-административномъ рѣчь повести, но все это должно быть побочными, дополнительными частностями. Главное же то, что для христіанства всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ должно быть едино на потребу: Царство Божіе, введеніе началъ его въ новыя явленія жизни, для чего необходимо новое углубленіе въ вѣчный, всегда вновь открывающійся и никогда неисчерпаемый смыслъ Евангельской правды.

Увы! „Углубляться въ вѣчный смыслъ Евангельской правды“ „горделивая надменность монашествующихъ властей“ не особенно старалась. Она въ огромномъ большинствѣ всегда шла по теченію, руководясь правиломъ: „какъ прикажутъ“. И потому потеряла свой авторитетъ настолько, что оказалась безсиленной противостать разыгравшимся страстямъ толпы...

◆ Приятное исключеніе.—Архіепископъ рижскій Агаангель обратился къ главному начальнику Прибалтійскаго края съ ходатайствомъ о законномъ покровительствѣ невиннымъ въ участіи въ недавнемъ мѣстномъ революціонномъ возстаніи и о смягченіи участи виновныхъ, но принявшихъ участіе въ беспорядкахъ по своему неразумію или увлеченію всеобщимъ движеніемъ. Получивъ по этому поводу удовлетворительный отвѣтъ, архіепископъ предложилъ настоятелямъ церкви рижской епархіи, если по ихъ убѣжденію кто-либо изъ прихожанъ, даже неславныхъ, невинно привлеченъ къ отвѣтственности по обвиненію въ участіи въ революціонномъ возстаніи, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда къ отвѣтственности будутъ привлекаться лица завѣдомо хорошаго направленія и вообще благонадежныя, но увлеченныя въ революціонную дѣятельность угрозами, насиліемъ и боязнью мести агитаторовъ,—предстательствовать передъ властями объ освобожденіи отъ отвѣтственности первыхъ и облегченіи участи или помилованіи вторыхъ. Въ случаѣ отклоненія такихъ ходатайствъ, пастырямъ, если бы они продолжали оставаться при убѣжденіи въ невинности извѣстнаго лица или необходимости оказать снисхожденіе виновному, предлагается просить власть, по крайней мѣрѣ, не приводить приговоръ въ исполненіе до особаго распоряженія главного начальника края.

Примѣръ, достойный подражанія.

◆ Недавно въ Харьковѣ въ духовной средѣ произошелъ крупный инцидентъ: мѣстный архіепископъ воспретилъ, до разбора дѣла, священнослуженіе группѣ священниковъ за то, что они осмѣлились въ своихъ рѣчахъ и проповѣдяхъ касаться политическихъ вопросовъ съ нежелательной стороны и затѣмъ помѣстили въ мѣстной газетѣ «Волна» статью о желательности стѣны смертной казни.

„Смертная казнь, — говорятъ въ своей статьѣ отрѣшенные отъ служенія священники. — всегда звѣрство, кѣмъ бы, при какихъ условіяхъ и за какое преступленіе она ни была совершена; правительствомъ ли, той или иной политической партией, или группою лицъ за такъ называемое „политическое“ преступленіе или за уголовное. Нечего и говорить о безчеловѣчности массовыхъ разстрѣловъ и избиеній своихъ же собратьевъ: большаго ужаса, большаго грѣха, преступленія противъ всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ и представить себѣ невозможно.“

Гоненіе на такія воззрѣнія становится вполне понятнымъ, если имѣть въ виду нашу трусость откровенно сознаться, что убійство во всѣхъ его формахъ, съ христіанской точки зрѣнія, является преступленіемъ и въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ быть оправдано только какъ выборъ меньшаго преступленія изъ ряда большихъ. Фальсификація этой идеи приводитъ къ очень печальнымъ курьезамъ. Замѣчательно, напримѣръ, что шайки грабителей, совершая свои гнусныя преступленія, не укрываются за Христа: мы-то, дескать, грабимъ, но не тронъ Христа — мы знаемъ, что предъ Его судомъ мы — преступники. А одинъ изъ видныхъ дѣятелей „охранительнаго“, якобы „патріотическаго“, направленія не постыдился открыто передъ многочленнымъ официальнымъ собраніемъ общественныхъ дѣятелей заявить, что „Христосъ ничего не имѣетъ противъ смертной казни“. Само собою разумѣется, что никто не обязанъ рѣшать эти „опасные“ вопросы такъ, какъ благоугодно рѣшать „охранителямъ“, т. е. людямъ, имѣющимъ въ своихъ рукахъ власть и силу.

До какихъ послѣдствій можетъ доходить темная масса закрытая отъ притоковъ свѣта,—объ этомъ ярко можетъ говорить секта «іоаннитовъ» (обожествившая отца Іоанна Крошштадтскаго), которая уже давно перебросилась изъ Крошштадта въ глухую провинцію, гдѣ находятъ себѣ много послѣдователей среди темнаго народа. Вотъ одна изъ картинокъ тѣхъ безобразій, до которыхъ доходятъ сектанты іоанниты. со словъ «Цар. Вѣстника». Случай имѣлъ мѣсто въ Верхней Елшанкѣ Царицынскаго уѣзда.

Незадолго до праздниковъ Рождества іоанниты на одномъ изъ своихъ молений сообща единогласно рѣшили принести достойную жертву Богу. Бросили жребій, и онъ палъ на жену хозяина дома. Но она, какъ женщина больная, не могла, по общему мнѣнію, быть достойной жертвой. Надо избрать здоровую тѣломъ и крѣпкую духомъ.

— Я желаю быть жертвою!—громко заявила одна изъ присутствовавшихъ на моленіи женщинъ.

Это была лѣтъ 40 женщина, мать пятерыхъ дѣтей. Мужъ былъ тоже на радѣннѣ, но вскорѣ ушелъ домой.

— Испытайте меня,—продолжала она твердо:—что хотите со мной дѣлать,—я все вынесу, мнѣ все равно.

И она сѣла на скамейку, покорно сложивъ руки на груди.

На слѣдующій день рано утромъ во дворѣ дома, гдѣ было собраніе іоаннитовъ, сосѣдями усмотрѣнъ былъ изуродованный трупъ женщины: голова у нея была разбита въдребезги, вываливались мозги, глаза выколоты, носъ отрѣзанъ и груди вырѣзаны. Къ мѣсту страшной находки собрался народъ. Толпа росла, волновалась, угрожала. Изъ дома вышелъ хозяинъ его и сталъ топтать ногами трупъ, приговаривая: „Пошла душа въ рай“. Наконецъ, явились полицейскія власти, составили протоколъ и арестовали изверга-хозяина и его брата, какъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ ужасной изуверской драмы. Послѣ двухдневнаго ареста они, однако, были отпущены,—вѣроятно, на поруки.

Ходитъ молва, что если бы преступленіе это не было открыто, то были бы принесены еще два человѣка въ жертву.

По сообщеніямъ газетъ, японское правительство рѣшило изготовить въ память войны съ Россіей медали, какъ это было и послѣ войны съ Китаемъ. Медалей будетъ вычеканено 1.500.000.

«Русскій Листокъ» въ статьѣ «Задачи церкви» говоритъ:

На югъ Россіи священники начали выступать съ рѣчами на митингахъ, и доброе впечатлѣніе отъ ихъ рѣчей говорить о совершеніи обратномъ. Нужно только дать дастырямъ въ этомъ отношеніи свободу, и такихъ, а, можетъ быть, и еще лучшихъ, пастырей явится много...

Въ № 5 «Сенатскихъ объявленій» за текущій годъ напечатана рѣдкая «сыскная» публикація. Могилевскій окружный судъ «вызываетъ» этимъ путемъ «бывшаго настоятеля Брянскаго монастыря, игумена Израиля». Оказывается, что къ невѣдому гдѣ теперь пребывающему «бывшему монастырскому настоятелю» предъявленъ собственнымъ его начальствомъ крупный искъ. Игумень является, по мнѣнію его начальства, виновникомъ большаго убытковъ въ размѣрѣ 23,474 руб. съ копѣйками.

Надо полагать, что о. игумень Израиль принялъ на себя монашескій обѣтъ нестяжательности (нищеты) не совѣмъ чистосердечно.

Библиографія.

Б. И. Гладковъ: «Толкованіе Евангелія». Слб. Пзд. П. А. Тузова. 1906 г. Стр. 686. Ц. 1 р. 60 к.

Рѣдко въ наши дни можно встрѣтить столь безкорыстнаго автора, какимъ является Б. И. Гладковъ. Громадный томъ большого формата продается по баснословно дешевой цѣнѣ. Посвящая свой «трудъ трудящимся и обремененнымъ», авторъ «въ цѣну, назначенную за книгу», включилъ «только расходы по изданію и прибыль книгопродавцевъ»,—на свою же долю не оставилъ ничего, кромѣ внутренняго удовлетворенія. И честь ему! Неизвѣстный намъ авторъ писалъ по требованію своего внутренняго я. Отъ «атеизма» онъ «пришелъ ко Христу и нашелъ отвѣтъ на всѣ мучившіе» его «вопросы», а съ тѣмъ вмѣстѣ «нашелъ и душевный покой». Авторъ «счастливъ будетъ, если его «скромный трудъ поможетъ хотя одному изъ невѣрующихъ, сомнѣвающихся и колеблющихся вернуть утраченную или укромить поколебавшуюся вѣру».

Во «введеніи» къ своей книгѣ авторъ разсуждаетъ: 1) о «подлинности Евангелій» (здѣсь знакомитъ съ личностью и трудами Варнавы, Климента Римскаго, Игнатія Богоносца, Поликарпа Смирнскаго, Папія Герапольскаго, Іустиня-философа, Принея Лионскаго, Татіана,

Климента Александрійскаго, Авианнаго, Теофила Антиохійскаго, Оригена, Василида, Карпократа, Валентина, Птолемея, Геракліона, Маркіона, Цельса; 2) о «достопрности» ихъ.

Самое «толкованіе» ведется такимъ образомъ. Каждая страница раздѣлена на двѣ части: верхнюю занимаетъ русскій переводъ Евангелій (синодальный), а нижнюю—толкованіе евангельскаго текста. Самый евангельскій текстъ приводится въ порядкѣ обстоятельствъ жизни Спасителя (начиная съ «предсказанія Ангела о рожденіи Іоанна Предтечи» и оканчивая «вознесеніемъ» Господнимъ).

Авторъ пользуется всеми данными, какія только могъ, въ его положеніи, достать для того, чтобы при ихъ помощи уяснить себѣ дѣло надлежащимъ образомъ. Въ частности, онъ пользуется святоотеческими толкованіями (напр., св. І. Златоуста, св. Василія Великаго, блж. Теофилакта...), комментаріями, напр., епископа Михаила, проф. о. Т. П. Буткевича, о. Вишнякова..., Люгардта, Дилона.

Толкованія просты и ясны, хотя и не всегда убѣдительны. Напр., Мѡ. 5, 22—о «гнѣвѣ». Здѣсь приводятся авторомъ мнѣнія свв. отцовъ (св. Іустина, Тертуліана, св. Принея, св. Василія Вел., св. Григорія Богослова, св. І. Златоуста, бл. Августина), ведется рѣчь по вопросу о наличности въ первоначальномъ текстѣ слова «напрасно» и дѣлается выводъ: «если и бываетъ безгрѣшный гнѣвъ, то онъ невозможенъ для насъ, грѣшныхъ... да и вообще никогда не можемъ быть судьями своихъ поступковъ и потому никогда не признаемъ свой гнѣвъ напраснымъ. Будемъ же считать, что намъ, грѣшнымъ, запрещенъ всякій гнѣвъ на брата». Съ авторской точкой нельзя согласиться. По вопросу о «разводѣ, кромѣ вины любодѣлія» (Мѡ. 5, 32), авторъ удачно полемизируетъ съ Толстымъ и вообще высказываетъ правильный взглядъ. Мѡ. 5, 34 (о «клятвѣ») толкуется авторомъ совершенно справедливо, вопреки Толстому, сектантамъ... Здравый авторскій взглядъ здѣсь весьма симптоматиченъ. Хорошо истолкованы авторомъ и Мѡ. 5, 38 («око за око...»), 39 («не противись злему»), гдѣ снова ясно и достаточное опровергнута Толстой и ему подобные. По поводу Мѡ. 7, 21 авторъ резонно и правильно разсуждаетъ о необходимости «для спасенія» нашего не только «вѣры», но и «дѣлъ» (ему извѣстны точки зрѣнія: католическая, протестантская, Ресстока, Пашкова,—которымъ онъ противопоставляетъ святоотеческую и слѣдовательно, православную...). Открывая, затѣмъ, книгу г. Гладкова на случайно подвернувшейся страницѣ (471), видимъ здѣсь и дальше толкованіе притчи «о невѣрномъ управителѣ», опять въ общемъ правильное (при помощи толкованій еп. Теофана, бл. Теофилакта, митр. Филарета). Или еще: намѣренно отыскиваемъ толкованіе автора на Марк. 13, Лук. 21, Мѡ. 24 («о разрушеніи Іерусалима, о кончинѣ міра...») и снова видимъ, что толкованіе вообще правильно. Особенно пріятно видѣть, что и, по мнѣнію автора, здѣсь не указывается на «близкую» кончину міра, что, между тѣмъ, угодно усматривать нѣкоторымъ запальнымъ антихристіанскимъ экзегетамъ, на основаніи этого упрекающимъ Самого Господа въ ошибку.

Другихъ примѣровъ авторскихъ толкованій не приводимъ. Конечно, въ такой огромной книгѣ любителя-экзегета найдется немало погрѣшностей и неправильныхъ мнѣній, неудачныхъ выраженій, неточностей и пр. [напр., годъ смерти св. Іустина мученика нѣмѣ относятся на время «между 163 и 167 г.» (Bardenhever: «Patrologie»; 1901, s. 44); «дѣрвая апологія» его явилась въ періодъ «между 150—155 г.» (ibid. s. 45); Климентъ Александрійскій «сдѣлалъ главой Александрійской школы незадолго до 200 г.» (ib. s. 114); время написанія Евангелій рѣшается авторомъ слишкомъ просто: понятіе о «зилотахъ» неточно; нѣкоторые толкованія (въ родѣ указанного выше о «гнѣвѣ») ошибочны въ большей или меньшей степени; выраженія, какковы, напр.: І. X. «довелъ ихъ» (фарисевы) «до такого озлобленія», — «Апостолы, поддерживая своего товарища»,—совѣмъ неудобны; не исправлены многія опечатки въ родѣ «Авиногоръ» и т. п.]. Но, если игнорировать ихъ и обращать вниманіе на положительныя качества книги, то несомнѣнно рецензенту придется порекомендовать ее для «спеціальныхъ» ея читателей, которые извлекутъ изъ нея немало для себя поучительнаго. Авторъ же, прекрасно настроенный, безкорыстно преданный дѣлу, пишущій съ наилучшими намѣреніями, хорошо освѣдомленный въ предметъ, заслуживаетъ несомнѣнной похвалы и поощренія.

А. Бронзовъ.

№ 5 журнала „Русскій Паломникъ“ сдать на городскую почту 24 января въ 12 ч. 30 м. дня, на шогородную 26 января.

Издатель П. П. Сойкинъ. Редакторъ И. Д. Теодоровскій.